

сылка Распутина и окружающих его «проходимцев» и — особенно — усиление обороны Петербурга от предстоявших «волнений», с передачей защиты столицы гражданской власти. Все было очень умно и, кто знает, могло бы предупредить, если не революцию, то внѣшній вид ея начала. Николай II не согласился. «Спокаешься, да поздно будет», сказал, будто бы, Распутин на состоявшемся на эту тему семейном совѣщаніи. Так, по крайней мѣрѣ, рассказывал еще один «свидѣтель», Жевахов, товарищ обер - прокурора, уже в эмиграціи...

Надо думать, серьезность положенія, быстро ухудшавшагося, придала исполнительному чиновнику, привыкшему к «второстепенным постам», смѣлость откровенности, на какую не оказались способны претенденты на званіе государственных людей. Ту же смѣлость Крыжановскій обнаружил и при свиданіи с царицей, пригласившей его написать проект о созданіи ея собственнаго «министерства» по дѣлам благотворительности. Крыжановскій терпѣливо доказывал ей, что затѣя ея — дѣтская и неосуществимая, что ни Дума, ни даже правительство на это согласиться не могут, — прочел длинную лекцію о том, для чего нужна Дума и почему от нея нельзя отдѣлаться. Императрица слушала с недоумѣніем: «мнѣ этого никто не объяснял», волновалась, сердилась — и была бессильна перед стѣной элементарных фактов, о которых не подозрѣвала. Это происходило за десять дней до убійства Распутина, как и отказ царя от борьбы с революціей совершился за два мѣсяца до ея начала.

Умный Крыжановскій должен был понимать, что исторія не обойдет его свидѣтельства.

П. М.

В. В. Шульгин. — Аншлусс и Мы. — Изд. Н. З. Рыбникова. — Бѣлград, 1938.

Небольшая брошюра В. В. Шульгина заслуживает общественнаго вниманія. Шумливый редактор бывлой «Великой Россіи» оказался, естественно, горячим сторонником произведеннаго Гитлером «аншлусса». «Ein Volk! Ein Reich! Ein Führer!» — пришлось очень по вкусу бывлому пропагандисту великой, единой и недѣлимой Россіи. Тѣм болѣе, что вѣдь аншлусс 13 марта 1938 г. имѣет свой прецедент: «в аншлуссѣ 8 генваря 1654 г.»; иными словами, — предшественником Гитлера был Богдан Хмѣльницкій, который «включил великую и малую Русь в одно государство: Ein Reich»; «Батько Богдан поставил (?) во главѣ обоих русских народов одного вождя: Ein Führer».

Но австрійскій аншлусс, как и батько с Переяславской Радой, лишь присказка в разсужденіи Шульгина. Суть и главное в вопросѣ: что будет и как отнестись к тому, что «Гитлер отберет и Украину», — о чем «всѣ у нас, в русской средѣ, как по командѣ, заговорили, как только произошел аншлусс австрійскій?» Не зря вѣдь сказано в писаніи Гитлера «Моя борьба»: «Мы, націонал - социалисты, мы глядим на Восток... Если мы теперь говорим о пріобрѣтеніи новых земель в Европѣ, мы прежде всего должны думать о Россіи и сосѣдних с нею, зависящих от нея, странах». И тут, послѣ ряда логических уклоненій в разныя сто-

роны, автор приходит к поразительному для русского националиста выводу.

Вопреки тому, что утверждает Гитлер сам, В. Шульгин полагает, что «Гитлер должен измѣнить самому себѣ, чтобы совершить то, что ему нѣсколько преждевременно навязывают», ибо, если он «отберет Украину», он **оторвет** юг от сѣвера, а не воссоединит сѣвер с югом, как при аншлуссѣ Австріи. Предупреждая нареканія своих единомышленников справа:—«Как?! Вы, значит, хотите, чтобы и дальше эти звѣри вырѣзывали и вымаривали ваших земляков всѣми своими дѣвольскими способами» и т. д., — Шульгин спѣшит заявить: Нѣтъ, «никогда я не был столь антибольшевик, как сейчас». С отталкиваніем Шульгина от большевизма может равняться только его отталкиваніе от сепаристов и ненависть к украинцам - самостійникам. И вмѣстѣ с тѣм...

О себѣ и ему подобных В. Шульгин пишет: «В одном смыслѣ мы с Адольфом Гитлером, поскольку этот новый Зигфрид борется с современным Драконом — коммунизмом. Но если Зигфрид захочет «отобрать Украину»?!»...

На момент кажется, что в этом послѣднем случаѣ, т. е. если «Зигфрид» все-же покусится на отечественную территорию, преданность вѣчным интересам Россіи, как цѣлому, одержит в «нас» верх над ненавистью к «ужасной ямѣ и страшному клоповнику, носящему имя СССР». Это оказывается иллюзіей. Антибольшевизм слѣпит патриотизм и превращает и националиста - патриота Шульгина в вульгарнаго пораженца.

Шульгин против похода Гитлера на Украину, — «постольку - поскольку»: поскольку это может привести к «самостоятельной Украинѣ». Но он не имѣет ничего против такого похода, если в итогѣ побѣды «Зигфрида» над «Драконом» на югѣ бывлой Россіи установилось бы самостоятельное **Великое Княжество Русское**. Все дѣло лишь в наименованіи и словѣ. Шульгин на этом настаивает: «В началѣ бѣ Слово»... «От выбора **слова** (подчеркнуто в оригиналѣ!) зависят два рѣшенія; два пути; двѣ исторіи — для нѣскольких народов»: «Украина значит сепаратный мир с московскими коммунистами», — тогда как, руками Гитлера созданное, «Великое Княжество Русское обозначает непреклонную борьбу с мировым коммунизмом, борьбу за **весь русскій народ**».

Шульгин убѣжден, что Великое Русское Княжество — с великим князем русским или с гетманом великаго княжества русскаго — явится «дверью и ключем» к «возрожденной Россійской державѣ». Но это — его личное вѣрованіе и упованіе, ни для кого не обязательное. Практически же и политически, беря ближайшій историческій отрѣзок, устремленія Василя Шульгина, крайняго номиналиста и имяславца, для котораго «имя» покрывает сущность дѣла и вещей, мало чѣм разнятся от пораженческаго сепаратизма и, по выраженію В. Шульгина, «украиноблудства», с такою страстью избобличаемых им в своем «двоюродном племянникѣ Александрѣ Шульгинѣ».

Так политическое расхожденіе между русскійским националистом и украинским самостійником и сепаратистом свелось к различію в именованіи и... к брани. Только и всего.

М. Вишняк